Есть еще ягоды в ягодицах

[СЛАВА ТАРОЩИНА]

Недавно меня пригласили в одно хорошее ток-шоу — порассуждать о телеведущих. На программу я по своему обыкновению не пойду: предпочитаю интерпретировать вторую реальность, пребывая в первой, но тема зацепила. Стала думать, каков сегодня родовой признак людей в кадре. Ответ очевиден — отсутствие индивидуальности. И тем не менее не перевелись еще личности на ТВ. Интересно посмотреть, как им удается вписываться в поток.

Тут вариантов нет — либо ты становишься рабом формата, либо исчезаешь из поля зрения. Если не хочешь ни первого, ни второго, получается Дибров. Душа мятежного Дмитрия всегда жаждала элитарного (типа блистательной «Антропологии»), но вполне удовлетворялась попсятиной (типа «Народ против»). С удивлением обнаружила, что его последний громкий совместный с Борисом Гребенщиковым проект «ПроСвет», защитник подлинности в культуре, тихо почил в бозе. Вероятно, Дибров, в чьей биографии индивидуальное производство чередуется с массовым, сейчас готовит нечто похожее на свой предыдущий опыт под выразительным названием «Я готов на все!». Те, кто остается, всегда готовы на все.

Возьмем, скажем, Дмитрия Нагиева. Талантливый, тончайшей души человек. И что же? Не везет парню. То ему приходится заглядывать в «Окна», где рейтинг куют исключительно подставные педофилы-зоофилы, то перевоплощаться в прапорщика-олигофрена Задова, от которого в глазах рябит на разных каналах. А теперь Нагиев вляпался в «Большой спор». Этот апофеоз высокобюджетной бессмыслицы исчез из эфира, но намедни снова восстал из пепла, материализуя мысль одного из героев Достоевского — у них нет идей, они на феноменах выезжают. В вавилонском столпотворении сцены смешались: оркестр Каспийской флотилии из Астрахани и отдельно взятая Глюкоза (почему-то вопреки заверениям ТВ совсем не беременная) в прикиде олимпийского мишки; три экскаватора, заплетающих косы девушке из Волгограда, и актер Александр Самойленко, который открывает пивные бутылки бензопилой. С этим актуальнейшим занятием удачно соперничают Жанна Фриске, состоящая в основном из декольте (она шагает через мостик из спичечных коробков), и неприступная писательница Полина Дашкова (она безуспешно пытается изобразить канкан). Примечательно, что в лицензионной игре совершенно не востребован нагиевский бесценный дар импровизации.

СЕГОДНЯ РОДОВОЙ ПРИЗНАК ЛЮДЕЙ В КАДРЕ — ОТСУТСТВИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Впрочем, означенный дар — самая бесполезная нынче вещь. Давно отправлен в отставку Игорь Угольников, никак не обретут свой формат Иван Ургант и Максим Галкин. Даже модный «Комеди Клаб», выросший из американского жанра stand up (он основан на свободном общении со зрителями), ваяет репризы под копирку. Полно противоречий, почти трагических, и бытование на экране в режиме «Дежурного по стране» Михаила Жванецкого, свежего лауреата ТЭФИ.

Глубинная тема М.Ж. — публичное одиночество, разрыв между сущим и видимым. Подобные вещи ТВ не интересуют, а мелькать вроде бы надо. Вот он и мелькает: необременительно шутит, читает из написанного то, что лучше бы не читать, и уже почти смирился с ролью культурного оракула. А все оттого, как признался со всей серьезностью М.Ж. в последнем выпуске программы, что людей много, а поговорить «до души» можно с одним. Только сидит он далеко, в Кремле, и стоит к нему очередь, но М.Ж., мы верим, дождется своего часа. Те, кто остались, — люди упорные. У них, воспользуемся шуткой Михаила Полицеймако из «Большого спора», есть еще порох в пороховницах, есть и ягоды в ягодицах. [С.Т.]

Газета — 2006 — 18 дек — с.24